

И. Железнов

Уральцы

**Часть 1. Очерки быта
уральских казаков**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Железнов**
Уральцы: Часть 1. Очерки быта уральских казаков / И. Железнов – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 370 с.

ISBN 978-5-458-17325-4

ISBN 978-5-458-17325-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Вернемся, читатель, лѣтъ за тридцать назадъ, и перенесемъ на Уралъ, въ одну изъ нашихъ казачьихъ станцъ, напримѣръ въ Красноярскій форпостъ; тамъ я вамъ покажу, и сами вы конечно увидите, житье-бытье казачье. Вообразите, что мы съ вами сидимъ на крыльцѣ есаульскаго (начальническаго) дома, подъ тѣнью навѣса, сдѣланнаго изъ тальниковыхъ прутьевъ,—пьемъ чай съ *каймакомъ* (*) и куримъ сигары—вы гаванскую, а я російскаго произведенія. Сидимъ мы не въ креслахъ, а, извините, по азіятскому обычаю, на полу. вмѣсто роскошнаго ковра, подъ нами простой бѣлый войлокъ или узорчатая *текеметъ* (**). Передъ крыльцомъ, гдѣ

(*) Родъ сливокъ. Разница между сливками и каймакомъ та, что сливки, какъ извѣстно всѣмъ и каждому, снимаются съ сыраго, а каймакъ съ варенаго, или вскипяченнаго, но уже остывшаго, молока. Изъ каймаку пахнутъ масло.

(**) Родъ ковра, сшитаго изъ разноцвѣтныхъ, узорани расположенныхъ, войлочныхъ кусковъ.

мы съ вами возсѣдаемъ, небольшая площадь, окаймленная незатѣливыми, по опрятными казачьими домиками, или бѣлыми глиняными, съ плоскими кровлями, или деревянными, съ кровлями высокими, тесовыми, украшенными или репейками, или пѣтушками, или рогами оленей и разныхъ невѣдомыхъ допотопныхъ животныхъ, находимыми въ окаменѣломъ видѣ въ р. Уралѣ.

Весна. День теплый, ясный и праздничный. Весь форпостъ, т. е. все обыватели, пообедавъ и принарядившись, кто во что могъ, вышли на открытій воздухъ и, пестрыми живописными группами, разѣлись или на завалинахъ домовъ, или около заборовъ, или подъ навѣсами воротъ, гдѣ была тѣнь.

Изъ всехъ народныхъ группъ привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе двѣ: группа мальчишекъ и группа людей взрослыхъ, пожилыхъ, солидныхъ. Къ послѣднимъ, т. е. къ людямъ пожилымъ, мы обратимся послѣ, а теперь займемся казачатами.

Смотрите: они давно уже играютъ въ *алчи* (родъ бабокъ); скоро игру эту прекратятъ и примутся за новую забаву, такъ называемую *войну*. Полюбujemy на эту дѣтскую забаву, полную жизни, энергии, смѣсла и—позволимъ себѣ такъ выразиться—поэзіи; опишемъ ее, какъ съумѣемъ, и потомъ передадимъ всей читающей публикѣ. Итакъ, безъ дальнихъ словъ, къ дѣлу.

I.

Наскучивъ игрой въ «альчи», вдругъ одинъ изъ казачать, возвысивъ голосъ, кричить:

— Воевать давайте, братцы!

— Что же? Давайте! откликнется другой казачепокъ.

— Согласны? спрашиваетъ первый.

— Согласны, согласны! воевать, воевать! кричить въ одинъ голосъ встрепенувшаяся и склубившаяся въ кучу ватага мальчишекъ.

Начинается выборъ предводителей, а потомъ играющие дѣлятся на двѣ партіи: русскую и киргизскую.

— Кому атаманомъ быть? начнетъ одинъ голосъ.

— Я вашъ атаманъ! отвѣчаетъ другой голосъ.

— Нѣтъ, братъ, рыломъ не вышелъ!. замѣчаютъ со стороны.

— Отчего бы такъ? говоритъ самозванецъ-кандидатъ.

— А оттого, что не выкунѣлъ еще, ты мелко плаваешь: спина, братъ, наружи. Есть и почище тебя...

— Кто же? не ты ли? Дрянь такая...

— Хоть бы и я. Ну, чѣмъ я хуже тебя?—Самъ ты дрянь...

Завязывается маленькій споръ, но вскорѣ прекращается. Кто-то кричитъ :

— Терешку Каплина !..

— Не надо Терешку Каплина! замѣчаютъ со стороны. Онъ поваровщикъ, потатчикъ; онъ роднѣ своей потекаетъ, товарищамъ потворствуетъ. Намедни Васька Ларшинъ провинился, а онъ не наказалъ его... Не надо Терешку!...

— Ну, такъ Гришку Малоземова!...

— И Гришку не надо! онъ дрянъ, онъ плакса! Куда ему въ атаманы! будетъ съ него и въ девѣщики атаманскіе.

— Сидорку Корнаухова!...

Никто не возражаетъ. Сидорка сдѣлалъ шагъ-другой впередъ... но вдругъ раздается хохотъ.

— Ха, ха, ха, ха! Сидорку въ атаманы! Что выдумали, одрало бы васъ... ха, ха, ха, ха! Куда ему, косому! Вѣдь у него одинъ глазъ на васъ, а другой въ Арзамасъ. Ну, какъ онъ, съ косыхъ-то глазъ, удереть въ талы, словно «тушканъ» (заяцъ) гонимый? Поди да ищи его тамъ съ собаками.

Снова раздается хохотъ. Всѣ хохочуть; хохочетъ и тотъ, кто предложилъ Сидорку въ атаманы,—хохочетъ, скрѣпя сердце, и самъ Сидорка, строя гримасы въ утѣшеніе себя и высовывая языкъ товарищамъ.

Въ это время проходятъ мимо ребятишекъ какой-то старикъ, и узнавъ въ чемъ дѣло, шутки ради, конечно, предлагаетъ имъ себя въ атаманы.

— Спасибо, дѣдушка:—не надо намъ тебя, отвѣтитъ одинъ изъ казачатъ.

— Отваливай, сѣдая борода! не годисся... стара стала... глупа стала... проищитъ вслѣдъ старику изъ толпы другой тоненькій голосокъ, но такъ одинакоже тихо, чтобы старикъ не все слышалъ.

И вся толпа заливается громкимъ хохотомъ.

Старикъ догадается, что смѣются на его счетъ, обернется, погрозитъ шалунамъ посохомъ, проговоритъ притворнообиженнымъ тономъ:—«Вотъ я васъ, озорниковъ!»—вздохнетъ, да и полетется своей дорогой, думая про себя:— «Творецъ небесный! куда все дѣвалось? и я вѣдь когда-то былъ такой.»

Атамана еще нѣтъ, водвигается шумъ, споръ. Одни желаютъ того, другіе—этого. Замѣтно, однакожь, что выборъ падетъ на Сидорку Корнаухова, который хоть и косой, по парнишка бойкій, а главное—справедливый:—однажды онъ «отпоролъ» розгами роднаго своего братишку, за нарушеніе правилъ игры, а это въ глазахъ казачатъ много значить.

Но вотъ изъ-за углаго дома показалась быстро бѣгущая, съ припрыжкой, фигура казаченка, лѣтъ двѣнадцати, въ красно-пестрой съ широкими разводами рубахѣ, только-что въ первый разъ надѣтой,—отчего она, раздуваясь на вѣтрѣ, шумитъ какъ листъ бумаги. Въ одной рукѣ казаченокъ держалъ два печеныхъ яйца, а въ другой комъ блиновъ. Свѣтло-русые, отъ природы, волосы на головѣ этого казаченка, отъ безпрестаннаго купанья въ Уралѣ,

посоловѣли и походили на мочку пожелтѣвшаго льна. Лице казаченка отъ этой же причины, т. е. отъ частаго купанья, похоже было на куличинное яйцо (*). Но все это не мѣшало Мишкѣ Хандохицу—это былъ Мишка Хандохинъ—стоять въ главѣ своихъ товарищей. Мишка Хандохинъ—первый выдумщикъ, первый зачинщикъ разныхъ дѣтскихъ проказъ. Кто, бывало, первый вскарабкается на высокое дерево, чтобы разорить коршунное или пюстальжиное гнѣздо? Мишка Хандохинъ. Кто, бывало, проворнѣе всѣхъ облазитъ кровли домовъ и амбаровъ и повытаскаетъ изъ гнѣздъ воробьятъ для разныхъ анатомическихъ наблюдений? Мишка Хандохинъ. Кто, бывало, искуснѣе другихъ, не оставивъ никакихъ слѣдовъ, проберется, хоть черезъ трубу, въ запертую кухню какойнибудь старушки-сосѣдки или даже родной своей бабушки, чтобы стащить оттуда кувшинъ каймагу или молока на общую потребу своихъ товарищей? Мишка Хандохинъ. Кто, бывало, успѣетъ, не бывъ замѣченъ, набросать всякихъ неудобоваримыхъ и неудобосъѣдаемыхъ веществъ въ котелъ или чугунокъ дѣвушкамъ, когда онѣ, на вечеринкахъ, готовить для себя кушанья? Мишка Хандохинъ. Словомъ, Мишка Хандохинъ всѣмъ проказамъ голова. Его и не называли иначе, какъ: или *удочка*, или *скопа*

(*) Не видавшіе куличинныхъ яицъ могутъ справиться въ «Зап. Руж. Охотника» г. Аксакова. Тамъ, кажется, объ нихъ упоминается.

(родъ хищной птицы); или *маташикъ*, или *лыцарь*, или *отрокъ*,—чаще всего однакоже честили его *отрокомъ*, и не даромъ. Это слово, въ понятіи казаковъ, хотя и равносильно слову *сорви-голова*, но имѣеть отъ послѣдняго нѣкоторое и не малое даже отличіе.

«Сорви-голова» означаетъ забіяку сбалмошнаго, дѣлающаго все очертя голову, безъ разсужденія—пройдетъ ли ему проказа его даромъ, или взѣдетъ на шею,—безъ соображенія, какое она произведетъ впечатлѣніе на другихъ, безъ страха, наконецъ, потерять свою репутацію.

Но «отрокъ»—человѣкъ тонкій. Онъ ничего не сдѣлаетъ наобумъ, не размысливъ предварительно, что и какъ выйдетъ. Онъ знаетъ, какую именно и надъ кѣмъ именно сшущить шутку. У него на первомъ планѣ не одно желаніе насолить кому или потѣшить себя. Нѣтъ, онъ такъ же умно и тонко разсчитываетъ и на то, чтобы проказа его была вполне достойна казака, чтобы она одному кому показалась горькой и соленой, а другимъ доставила бы смѣхъ и нѣкотораго рода удовольствіе, чтобы, наконецъ, проказничая, не пропасть самому въ общемъ мнѣніи. Таковъ былъ Мишка Хандохиный.

Для образчика, приведемъ одинъ изъ безчисленныхъ его подвиговъ на поприщѣ отроческихъ проказъ.

Жила-была старуха, по фамиліи Кушумова, или, какъ называли ее обыватели, Кушумиха, строптивая,

брюзгливая и скряга отъявленная, каких свѣтъ не видывалъ. Единственнаго сына, женатаго и имѣваго кучу маленькихъ дѣтей, она, изъ несправедливости къ снохѣ, согнала со двора, давъ ему только для службы двѣ лошади, да на прокормъ дѣтей *яловую* тѣлку. Жила Кушумиха одна—однихонька, и все копила, а для чего—одинъ дьяволъ знаетъ.

Однажды, на канунѣ какого-то большаго праздника, кажется на канунѣ Пасхи, пришли къ ней маленькіе внучата и попросили чѣмъ разговѣться. У старухи всего было вдоволь: и говядины, и масла, и яицъ, а о молокѣ и каймакѣ говорить нечего: этимъ добромъ хоть прудъ-пруди. Но старуха-скряга дала внучатамъ для разговѣнья только кислаго молока, и то не свѣжаго или мѣшочнаго, а кадочнаго, прогорѣлаго, такого, котораго добрые люди, и побѣдѣе ея, сами не ѣдятъ, а употребляютъ на выдѣлку овчинъ, да даромъ раздають киргизамъ-байгушамъ (нищимъ). Узналъ объ этомъ весь форпостъ, и вознегодовалъ на скрягу-бабушку.

Старуха Кушумиха и безъ того была во всеобщемъ презрѣніи, какъ безмысленная и отвратительная скряга. Мишка Хандохинъ, не смотря на то, что ему было отъ роду только 10 или 11 лѣтъ, понимаетъ уже что хорошо, что худо. Онъ и прежде ненавидѣлъ Кушумиху за скряжничество, но когда узналъ, какъ она скотски обошлась съ своими родными кровными, онъ озлобился на нее, какъ на вѣдьму какую, или какъ на киргизскаго разбойника Сююпкору, кото-

рый часто дѣлывалъ набѣги на казачьи станицы и тревожилъ казаковъ.

— Удружу-жь я тебѣ, вѣдьма кievская!.. сказалъ самъ себѣ Мишка, и отправился въ поле. Тамъ онъ наловилъ нѣсколько полевыхъ мышей, сусликовъ и карбышей, задушилъ ихъ, склалъ въ мѣшокъ и возвратился домой. Онъ выждалъ, когда Кушумиха уѣхала къ заутренѣ, въ сосѣдственную станицу, гдѣ была церковь, и отправился къ пей въ домъ. Караульщицей и вмѣстѣ прислугой въ домѣ Кушумихи была старуха изъ киргизскихъ байгушей, но и та, пользуясь отсутствіемъ ворчливой хозяйки, ушла въ сосѣдственный киргизскій аулъ. Слѣдовательно Мишкѣ-отроку представился полный просторъ проказничать или такъ-сказать «отрочествовать». Сначала, сквозь широкую трубу *горна* (*), онъ забрался въ кухню, и тамъ во все кадки, горшки, миски, чашки, словомъ, во всю домашнюю посуду, съ чѣмъ бы она ни была, со щами ли, съ молокомъ ли, или пустая, набросалъдохлыхъ мышей, сусликовъ и карбышей. Изъ кухни Мишка перебрался на ледникъ, разломавъ для того въ одномъ мѣстѣ камышевую крышу, спустился въ самый погребъ, отыскавъ тамъ кадки и кубышки съ коровинымъ масломъ, скопленнымъ, въ теченіи цѣлаго поста; для продажи, и вездѣ, т. е. во все кадки и кубышки, разсвалъ мертвечину...

(*) Родъ камина, гдѣ варятъ молоко.

Такимъ образомъ Мишка-отрокъ сдѣлалъ старухѣ-скрягѣ тройное зло : во-первыхъ, онъ испоганилъ у нея все масло, которое она должна была или бросить, или задешево сбыть киргизамъ, потому что изъ русскихъ никто бы не купилъ у нея масло, какъ поганое. Во-вторыхъ, напоганилъ у ней всю домашнюю посуду, которую нельзя было употребить въ дѣло до тѣхъ-поръ, пока священникъ «не дастъ посудѣ молитву», т. е. не освятитъ ее св. водой, а для этого нужно было ѣхать и везти посуду въ соседственную станицу, да сверхъ того заплатить за труды. Въ-третьихъ, исторія эта до такой степени озадачила старуху-скрягу, что, въ первыя минуты горя, она чуть-чуть не взбѣсилась и не сошла съ ума; насилу, говорятъ, работница-киргизка отлила ее водой.

Кромѣ того отрокъ Мишка выходкой этой, довольно однакожь, между нами будь сказано, рѣзкой, доставилъ всему форпосту немалое удовольствіе; ибо всѣ были рады случаю посмѣяться надъ скрягой, которая мерзкою жизнью своею всеяла во всѣхъ къ себѣ одно только омерзевіе. Стало быть понятно будетъ, ежели мы скажемъ, что никто не подалъ старухѣ руку помощи, никто не пожалѣлъ о ея горѣ, а напротивъ, всѣ гласно говорили: «у скупаго больше чортъ беретъ», или «копила, копила, да чорта купила». Даже киргизка-работница, жившая въ ея домѣ, и такъ ли, сякъ ли, питавшаяся ея крохами, и та украдкой улыбалась, радуясь въ душѣ, что ей